

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ (КИШКИН) († 1831)

Старец иеромонах Василий (в миру Владимир Тимофеевич Кишкин), широко известный подвижник, родился в 1745 году в деревне Ключниково Фатежского уезда Курской губернии. В семилетнем возрасте он поступил в Саровскую обитель. Затем подвизался в Киево-Печерской Лавре, из которой перешел в Миропольскую обитель Харьковской губернии Сумского уезда, где, по некоторым сведениям, в 1760 г. был тайно пострижен в монашество с именем Василий, сам о. Василий в послужном списке указывал, что принял постриг 7 марта 1783 г. от игумена Миропольского монастыря Константина (Саурского). В 1764 г. он переселился в Коренную пустынь. Курским епископом Феокистом (Мочульским) в Курском в честь иконы Божией Матери «Знамение» монастыре о. Василий был рукоположен во иеродиакона, до 1794 г. нес послушание ризничего монастыря. В 1795 г., уволившись из курской обители, о. Василий отправился на Афон, подвизался в келье русского скита Илии пророка. Изучив скитский и общежительный уставы, афонскую аскетическую традицию, о. Василий вместе с учениками Арсением Младшим и Израилем в 1797 г. перешел в молдавский Нямецкий монастырь. В 1798 г. вернулся в Коренную пустынь, где благодаря усилиям о. Василия, ставшего духовником братии, были введены афонские правила. Это вызвало недовольство части братии, решившей убить подвижника, однако вскоре иноки раскаялись и примирились со старцем.

Он стал одним из последователей преподобного Паисия Величковского. Вернувшись в Россию, о. Василий как носитель идей старца Паисия оказал помощь многим монастырям в их духовном устроении.

27 января 1800 г. о. Василий был назначен начальником пребывавшей в запустении Белобережской пустыни. Благодаря его духовному авторитету в обитель вскоре пришли около 60 новых насельников, в т. ч. прп. Лев (Наголкин), последователи прп. Паисия (Величковского) иеромонах Клеопа II (Антонов), схимонах Феодор (Ползиков), схимонах Афанасий (Охлопов), участвовавший в работе над переводом «Добротолюбия». Учениками о. Василия были игумен Филарет (Данилевский), прп. Макарий (Глухарёв), иеромонах Серафим (Веденисов). Расцвет духовной жизни в Белобережской пустыни сопровождался и материальным ее укреплением, на пожертвования благодетелей были отремонтированы кельи и трапезная.

19 августа 1800 г. по собственному прошению о. Василий был уволен от управления пустыней с пребыванием в ней «для вспомоствования советом и наставлениями новоопределенному начальнику» иеромонаху Питириму. Вскоре братия, возмущенная тем, что новый настоятель притесняет старца, обратилась к Орловскому епископу Досифею (Ильину) с просьбой вновь назначить о. Василия настоятелем обители. 28 декабря 1800 г. епископ Досифей вызвал о. Василия в Чёлнский монастырь, на следующий день старец сослужил епископу за литургией, во время которой архиерей неожиданно для о. Василия рукоположил его во иеромонаха. Впоследствии батюшка редко служил литургию, считая себя недостойным. В 1802 г. настоятель исходатайствовал для Белобережской обители официальное открытие и введение общежительного устава. Составленные старцем правила общежития были приняты во многих юго-западных русских монастырях, в т. ч. Кременецком, Усть-Медведицком, Борисовском. Бывшие насельники Белобережской

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ (КИШКИН)

пустыни стали настоятелями нескольких обителей: архимандрит Мелхиседек (Сокольников) - московского Симонова Нового монастыря, строители Серафим (Веденисов), Каллист (Кочетов), Павел (Крячков) и Маркеллин (Патрикеев) - Площанского монастыря, игумен Серапион (Пирожков) - Одрина монастыря.

Впоследствии о. Василий совершил "большой подвиг странствования". Он жил в Свенском, затем Рыхловском монастыре, "оттуда предпринял нечто вроде миссионерского пути и прошел до Дона, был в Ливнах, Задонске, Воронеже". Любил бывать в Задонском в честь Рождества Богородицы монастыре, познакомился со свт. Тихоном Задонским, который стал его наставником и научил молитве Иисусовой. Был также начальником Кременецкого монастыря. "Отец Василий оставался в каждом монастыре столько времени, сколько нужно было для водворения там строгого устава". Наконец, он вернулся в Коренную пустынь, а в 1816 г., стремясь к безмолвию, перешел в Глинскую, которая находилась в запустении. Попытки о. Василия исправить монастырские порядки встретили сопротивление со стороны настоятеля и многих иноков. Казначей пустыни подал Курскому архиепископу Феоктисту (Мочульскому) рапорт с клеветой на старца, архиерей повелел о. Василию покинуть епархию. Лишь после вмешательства высокопоставленных лиц, почитавших старца, архиепископ Феоктист пересмотрел дело и изменил решение, клеветники были наказаны.

Здесь вместе с братией он молился Матери Божией о даровании обители духовно-опытного настоятеля. По молитвам старцев в 1817 году настоятелем Глинской пустыни был назначен известный подвижник о. Филарет (Данилевский). С радостью встретил о. Василий старца Филарета и всячески содействовал ему "в деле духовного руководства и введения строгого Афонского устава". Подпись о. Василия, входившего в состав старшей братии обители, находим на документах Глинской пустыни двадцатых годов XIX века. В Глинской пустыни многие обращались к старцу за советом. Одним из его учеников был инок Е-ий, благородного происхождения, который при поступлении в Глинскую пустынь внес в пользу обители значительный вклад. После пострига в монашество он вел себя строго, как подобает монаху. Но затем начал много думать о себе, презирать всех, перестал подчиняться монастырскому уставу. О. Василий, видя, что Е-ий погибает от гордости, помолился о нем Богу и, смиренно поклонившись гордецу в ноги, обратил к нему свою душеспасительную беседу. Это так сильно подействовало на инока, что он преклонил перед старцем свою голову и усиленно просил принять его под духовное руководство. Отец Василий сказал ему: "Если ты истинно желаешь, чтобы я принял и усыновил тебя, то повелеваю снять с себя монашескую одежду, одеться в простую и поступить на черные работы". Через некоторое время старец Василий повелел ему стоять у святых врат Глинской пустыни, кланяться всем входящим и выходящим, прося мысленно их молитв. Инок Е-ий во всем повиновался повелениям старца, за короткое время стяжал высокую добродетель смирения. На предложение старца принять прежнюю иноческую одежду и успокоиться от трудов труженик отвечал: "Благодарение воздаю тебе, отче, что ты воскресил мою душу. Я никогда не ощущал в себе такой душевной отрады и умиления, как чувствую в себе ныне, а потому умоляю тебя оставить меня в таком положении и при указанном тобою послушании". По благословию о. Василия инок пробыл в послушании у святых врат до самой кончины и восприял венцы послушания.

"Один из братии без благословения старца возложил на себя пост. Зная хорошо по опыту, что телесные подвиги постничества иногда возбуждают и самообольщение, и в то же время желая испытать его смирение, о. Василий в случившийся праздник приказал повару: "Когда придет к тебе постник за пищею, то откажи ему и укори его хорошенько". Повар так и поступил. Постник, сознавая себя обиженным, разгневался на повара и, проклиная его, ушел в свою келлию. Вот узнал об этом старец и, призвав к себе постника, сказал ему: "Я предупреждал тебя, брат, что нужно страсти убивать, а не тело; прежде подобает заповеди творить, а потом дары Богу принести" и повелел, чтобы без уважительной причины не

вкушать пищи до времени, определенного уставом: за трапезу непременно ходить и с благодарностью вкушать предлагаемое, соблюдая умеренность и оставляя место Святому Духу, удерживаться от своеволия, последствия которого гибельны и неисчислимы. Ученик поклонился старцу и просил у него прощения".

"По дару прозорливости о. Василий мог видеть состояние души каждого и предугадывать последствия его жизни. Так, он сказал об одном младенце: "Сей сосуд будет не освящен", а о другом: "А сей будет драгоценный аромат"... и все это в свое время сбылось.

Одна странница рассказала братии Глинской пустыни следующее: "Во время пребывания моего здесь я приходила к о. Василию принять от него благословение и испросить молитв. Старец благословил и дал мне просфору. С верою приняв от него просфору, я помыслила соблюсти сию святыню для исцеления немощей моих; но эта мысль моя не ускользнула от прозорливого старца; он тотчас же приказал мне съесть просфору; я съела, а о. Василий, еще раз благословив меня, пошел к себе".

Один из купцов, посещавших Глинскую пустынь, рассказывал: "Однажды по домашним обстоятельствам, я был у о. Василия в келлии. После продолжительной беседы старец повел меня к своему ученику в пустыньку, где была пасека и несколько колодок меду. Пустынник, пожелав нас угостить, предложил свежего меду. Старец Василий, в свою очередь, просил меня откусать меду. Я сказал ему: "Прости, батюшка, по болезни желудка я не могу есть меду". Старец приподнялся со своего места; помолясь Богу, благословил мед и приказал мне, отложив всякое сомнение, есть мед и сам со мной вкушал. Что же из этого вышло? Вместо болезни я почувствовал в своем желудке большое облегчение и с того времени, по молитвам старца о. Василия, стал совершенно здоров".

Близ Глинской пустыни жил некто Д. С. Бровцын, любивший посещать обитель. Он питал великую веру к о. Василию. В одно время Бровцын привел к старцу двух своих детей и просил благословить и помолиться Богу о здравии их. Благословляя детей его, старец протяжным голосом сказал: "Бог благословит в небесную страну". Бровцын смутился. "Батюшка, — сказал он, — я желаю и прошу тебя помолиться Богу, чтобы Господь продлил чадам моим жизнь". Отец Василий тем же тоном отвечал: "Немного проживут". Слова старца не замедлили исполниться: в том же году дети Бровцына умерли".

Совместными трудами иеромонаха Филарета иеромонаха Василия монашеская жизнь в Глинской пустыни стала налаживаться, но в сер. 20-х гг. XIX в. о. Василий вновь был оклеветан. В 1827 г. старец перешел в Площанскую пустынь, которая также была одним из центров учения преподобного Паисия Величковского на Юге России, сблизился с ее благочинным прп. Макарием (Ивановым), у которого исповедовался до своей кончины. В октябре 1829 г., во время рубки деревьев, о. Василий упал и несколько часов находился без сознания. Очнувшись, он принял таинство Елеосвящения, причастился Св. Таин и предсказал, что скончается через 18 мес. Затворившись в тесной келье, старец начал готовиться к смерти, он стяжал непрестанную молитву, в праздничные дни причащался в келье Св. Таин. Незадолго до кончины о. Василий вновь стал принимать для духовного назидания всех желающих, говоря, что ему «нужно со всеми примириться и у всех испросить прощения и молитв».

Старец Василий скончался в Площанской пустыни 27 апреля 1831 года и был погребен в Площанской пустыни, напротив алтаря Казанской церкви. После 1917 г. почитание старца не прекратилось, ежедневно к его могиле приходили многочисленные паломники. 16 ноября 1924 г. комиссия по вскрытию мощей сделала попытку уничтожить захоронение о. Василия. На монастырском кладбище были вскрыты могилы, из земли извлекли часть останков и увезли в Брянск. Но в конце 40-х гг. паломничество к почитаемой в народе могиле возобновилось. По сообщениям властей, в 50-х гг. «на месте бывшего Площанского

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ (КИШКИН)

монастыря... верующие... берут песок с могилы «святого» монаха и воду из источника». В апреле 2002 г., при раскопках фундамента собора в Площанской пустыни были обнаружены останки о. Василия Кишкина.

Существует портрет подвижника, написанный втайне в 10-х гг. XIX в. по заказу Воронежского епископа св. Антония (Смирницкого), поскольку старец из смирения запретил себя рисовать. О. Василий изображен с четками и посохом. Позднее копии этого портрета были помещены в игуменских покоях в Площанской и Белобережской пустынях. В конце 70-х гг. XIX в. ученица о. Василия монахиня Ангелина составила жизнеописание старца.

Цитируется по книге:

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. «Самшит», 1997 г.